

Л. Яновская

[Литературные источники романа «Мастер и Маргарита»]

Из главы «Эффект присутствия»

Работая над литературой для романа «Мастер и Маргарита», Булгаков делал выписки. Эти выписки сохранились.

В конце самой первой черновой тетради романа — десятка полтора совершенно целых листов, озаглавленных так: «Материалы». Эти листы заполнялись уже в процессе работы над романом. Кое-что записывалось прямо на полях текста, а многое — вот здесь, в конце тетради.

Страница с заголовком «О боге», оставшаяся, впрочем, пустой. Что-то писатель собирался прочесть, продумать, собирался сделать выписки. Но не сделал. Бога, как помнит читатель, среди персонажей романа нет.

Густо исписанные страницы с заглавием «О дьяволе». Здесь и на соседних листах выписки из энциклопедического словаря Брокгауза–Ефрона, из статей «Диавол», «Демон», «Демонология», «Демономания», «Шабаш ведьм» и других. Выписки из популярной (теперь сказали бы — научно-популярной) книги М. Орлова «История сношений человека с дьяволом» (СПб, 1904), в которой описаны представления и обрядовые подробности, связанные с верованиями в дьявола, ведьм, колдунов и прочая.

Разграфленный разворот с надписью «Иисус Христос». Одна колонка озаглавлена так: «По Эрнесту Ренану», другая: «По Ф.В. Фаррару», третья: «По другим источникам». И несколько свободных граф. Но выписки о Христе сделаны только из Фаррара и Ренана, остальные колонки пусты. Это реальные источники, которыми пользовался Булгаков на первых порах...

Несколько лет спустя. Тетрадь 1936 года. Роман почти окончен в том втором своем варианте, в котором уже есть и Мастер, и Маргарита. Уже написана, правда, отличающаяся от окончательной, но тем не менее прекрасная последняя глава «Последний полет» («Была полночь, когда снялись со скалы и полетели. Тут мастер увидел преобразование. Скакавший рядом с ним Коровьев сорвал с носа пенсне и бросил его в лунное море. С головы слетела его кепка, исчез гнусный пиджачишка, дрянные брючонки. Луна лила бешеный свет, и теперь он заиграл на золотых застежках кафтана, на рукояти, на звездах шпор...»). В этой тетради, почти непосредственно вслед за главой о последнем полете, снова «материалы».

Длинный перечень растений и деревьев Иудеи: «Виноград, смоковница, фиговые и масличные деревья, ореховое и гранатовое дерево, кипарисы, пальмы, кедр, лавровые деревья, персиковые деревья». Чтобы в романе в конце концов кратко упомянуть «больное фиговое деревцо», под которым в главе «Казнь» находится Левий Матвей, «кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево» и просто «кипарисы и пальмы в саду».

Имена «казненных вместе с Иешуа — Гестас и Дисмас» со ссылкой на апокрифическое евангелие Никодима («Evang. Nicodemi», — отмечает Булгаков). Запись: «Иуда из Кириафа» (найдено наконец!). Расчеты, когда мог родиться Иешуа (у Булгакова он здесь моложе, чем по церковной традиции).

И такие: «Поле крови — Nakeldamma». «Голуби у Пилата. Мраморные колонны». Это выписки из книги Ф.-В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа»...

1938–1939 годы. Булгаков заканчивает роман, готовит его к перепечатке. Потом диктует. Правит... И параллельно делает записи в специально отведенной тетради. Она озаглавлена так: «Роман. Материалы».

Из записей этих видно, как подолгу стоит Булгаков у окна, наблюдая за луною — ночным светилом, светилом Воланда, так много места занимающим в романе. Зарисо-

ываает. Отмечает: «В ночь с 10. IV на 11. IV 38 г. между часом и двумя ночи луна висит над Гагаринским и Афанасьевским высоко. Серебриста». «13-го мая в 10 ч. 15 м. позлащенная полная луна над Пречистенкой (видна из Нащокинского переуллка). 18-го мая в 5 ч. утра, белая, уже ущербленная, беловатая, над Пречистенкой. В это время солнце уже золотит окна. Перламутровые облака над Арбатом».

Здесь же записи для Великого бала у Сатаны. Как могут выглядеть розы? Запись: «Стены роз молочно-белых, желтых, темно-красных, как венозная кровь, лилово-розовых и темнорозовых, пурпурных и светлорозовых». Может быть, писатель побывал в розарии? В романе «Мастер и Маргарита» будет строка: «В следующем зале не было колонн, вместо них стояли стены красных, розовых, молочно-белых роз...»

Данные о господине Жаке ле Кёр (1400–1456). («Господин Жак с супругой, – скажет Коровьев в романе. – Рекомендую вам, королева, один из интереснейших мужчин! Убежденный фальшивомонетчик, государственный изменник, но очень недурной алхимик...»)

Данные о графе Роберте Дэдли Лейгестере (1532–1588). («Граф Роберт, – шепнул Маргарите Коровьев, – по-прежнему интересен. Обратите внимание, как смешно, королева — обратный случай: этот был любовником королевы и отравил свою жену».) Название яда: «Аква Тофана», давшее толчок образу «госпожи Тофаны» на Великом бале у Сатаны.

Исторические выписки к образу Маргариты — о Маргарите Наваррской и Маргарите Валуа — из Брокгауза — Ефрона...

Но больше всего все-таки записей о древней Иудее.

На каком расстоянии от Ершалаима находилась предполагаемая Голгофа? «Будем считать, в расстоянии 10 стадий от Ершалаима», – записывает Булгаков. И отдельно, подчеркнув, с восклицательным знаком (т. е. проверить!): «Стадия!» И тут же результат сделанной проверки: «200 стадий = 36 километров».

Выписка из Тацита на французском языке. Выписка из Тацита по-латыни. (Принадлежавшее Булгакову французское издание Тацита сохранилось.)

Снова записи о Пилате. Каким по счету прокуратором Иудеи он был? Четыре выписки из разных источников: Брокгауз–Ефрон, Грец, Фаррар, Маккавейский. Выписку из Маккавейского Булгаков делает впервые: инициалы, фамилия, название сочинения, название «Трудов Киевской духовной академии», в которых это сочинение опубликовано, том, страница — все указано подробно. Столь полно Булгаков отмечает только новые для него источники. Выписки из Ренана он давно помечает так: «Ренан, 250» или еще короче: «Рен. 252»; Фаррара: «Фарр. 650»; Брокгауза–Ефрона: «Брокг. 46, 595» (цифры — номера тома, страницы).

Брокгауз и Фаррар считали Пилата шестым прокуратором Иудеи. Генрих Грец (в «Истории евреев») и Маккавейский — пятым. В предшествующей редакции романа, в рукописи 1936, Булгаков, следуя, вероятно, Фаррару и Брокгаузу, называет его шестым: «Шестой прокуратор Понтийский Пилат». Но писателю нужно, чтобы он был пятым! «Пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат». Это совсем иначе звучит: «Понтий — пятый!» Впрочем, там, где мнения существуют разные, Булгаков решительно полагается на свое художественное чутье...

Что ел Пилат? «Мог ли Пилат есть устрицы?» Выписки из книги Гастона Буассье «Римская религия» — о том, что ели римляне, и о «возлияниях в честь императора».

Что пил Пилат? Очень привлекало писателя название «Фалерно» — *falerium vinum*. Азazelло, явившись в подвальчик Мастера в одной из последних глав романа, говорит: «...Мессир прислал вам подарок, – тут он отнесся именно к мастеру, – бутылку вина. Прошу заметить, это то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи. Фалернское вино». Вино наливают в стаканы, смотрят сквозь него на свет в окне, все окрашивается в цвет крови...

Булгакову необходимо было здесь красное вино — «густое красное вино», пролитое Пилатом. Увы, фалернское после проверки оказалось золотистым. Вот и выписка об этом, сделанная Булгаковым на стр. 46 тетради «Роман. Материалы»: «Falernura vinum — золотистое вино». Значит, Пилат не будет пить «Фалерно». Афраний, которого он пригласил к своему столу, скажет: «Превосходная лоза, прокуратор, но это — не “Фалерно”? — “Цекуба”, тридцатилетнее, — любезно отозвался прокуратор».

А в устах Аззелло останется «Фалерно»... Слабый след незаконченности работы над романом...

В этой тетради — рисунки, схемы. Начертанный Булгаковым план с надписью: «Воображаемый Ершалаим». Схематическое изображение Голгофы и опоясывающей ее дороги. Подробнейшая информация о римских войсках. Одежда. Вооружение. Графическая схема структуры легиона. Из книги Ренана «Антихрист» выписаны названия римских легионов, двинутых впоследствии Титом на Иерусалим, подчеркнуто: «12-й Fulminata». И ниже несколько латинских слов того же корня, может быть в попытке найти русский значимый вариант названия (fulminare — поражать молнией).

Это название в тексте романа наполнит пророческим смыслом угрозу Пилата: «Вспомни мое слово, первосвященник. Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет! Придет под стены города полностью легион Фульмината, подойдет арабская конница, тогда услышишь ты горький плач и стенания!» И в русском переводе это название в романе существует тоже: «От флигелей в тылу дворца, где расположилась пришедшая с прокуратором в Ершалаим первая когорта Двенадцатого Молниеносного легиона...» Булгаков расширяет библиографический охват материалов. Выписки из книги «Жизнь Иисуса» знаменитого Д.-Ф. Штрауса — одного из основоположников рационалистической критики евангелий, объявившего евангелия мифом, но верившего в историческое существование Иисуса. И выписки из книги «Миф о Христе» не менее знаменитого Артура Дрекса, представителя «мифологической школы», утверждавшего, что в христианском учении все, включая жизнь Иисуса, — не более как миф.

Выписки, впрочем, не касаются существа «школ». Булгакова интересуют реалии — фактические подробности, а более всего — то, что отвечает образу, сложившемуся в его воображении. Так, в фразе Дрекса он подчеркивает слова: «*лестница*, по которой, говорят, Иисус *всходил к дворцу* Пилата». Ведь в романе местом суда Пилата является «балкон», «крытая колоннада» — площадка, вознесенная высоко над Ершалаимом, на которую арестованный конечно же должен был «всходить». Делая такие выписки, Булгаков, может быть, не раз шептал, как его герой Мастер: «О, как я угадал!»

Выписка из книги А. Барбюса «Иисус против Христа», вышедшей на русском языке в 1928 году: «Я думаю, что *в действительности кто-то прошел* — малоизвестный еврейский пророк, который проповедовал и был распят». И такая: «...заставили Даниеля Массе указать на город Гамалу как на место рождения...».

Упомянутую Барбюсом работу Массе Булгаков, по-видимому, не нашел (хотя предполагал найти — имя Даниеля Массе выписано отдельно), но город Гамала привлек его внимание: Гамалу Булгаков сделает местом рождения своего Иешуа. И, кажется, будет все-таки сомневаться в этом. Ибо выпишет (с ссылкой на старого знакомца Фаррара) название Эн-Сарид — как другое, из Ветхого завета, название Назарета.

«Откуда ты родом?» — «Из города Гамалы», — отвечает Иешуа Пилату в главе 2-й («Понтий Пилат»). А в главе 26-й («Погребение») Пилат разговаривает с Иешуа во сне и думает о нем как о «нищем из Эн-Сарида». Из Назарета все-таки... Еще один таинственный след не сведенных воедино нитей. Впрочем, читатели этого не замечают. Очень уж не похоже слово Эн-Сарид на традиционный Назарет...

И снова загадочная запись: «Акельдама — поле крови». Теперь уже с ссылкой на Ренана.

Выписки из Ренана и Фаррара. Ссылки на Ренана и Фаррара.

Что искал в этих книгах Михаил Булгаков? И что находил?

Ренана — филолог и семитолог, историк, блестящий литератор, за свою книгу «Жизнь Иисуса», вышедшую в 1863, лишенный кафедры в Коллеж де Франс, впоследствии член Французской академии. Ренан предпринял попытку прочесть евангелия как исторический документ, а не богом вдохновенное «священное писание». Попробовал извлечь из них некий реальный исторический образ, отбросив мистику и чудеса. «Я критик светский, — писал Ренан, — я полагаю, что никакой рассказ о сверхъестественном событии не может быть дословно верным; я думаю, что из сотни таких рассказов восемьдесят порождаются народной фантазией; но в то же время я допускаю, что в некоторых отдельных, довольно редких случаях легенда порождается и действительным фактом, получающим лишь фантастическую окраску». Книгу свою Ренан назвал «Жизнь Иисуса», подчеркнув этим, что герой его не Христос, а человек. Любовно созданный Ренаном образ Иисуса, «великого основателя религии», в замысле булгаковского Иешуа, нищего философа не то из Гамалы, не то из Эн-Сарида, не отразился.

Булгакова Ренан, по-видимому, привлекал самым характером своей критики евангелий, этим стремлением «угадать» («Надо стараться угадывать, — писал Ренан, обращаясь к недостоверным библейским источникам, — угадывать, что в них скрывается, никогда не обольщая себя уверенностью, что вы угадали правильно»). Привлекал прекрасным знанием источников (например, Талмуда) и еще достоинством, которого многие другие солидные авторы не имели: Эрнест Ренан путешествовал по описанным им местам, посетил Сирию, Ливан, Палестину, прошел пешком по дорогам Галилеи, его книга «Жизнь Иисуса» в основном была написана там.

Эту книгу Михаил Булгаков, вероятно, прочел еще в юности. Ренан неоднократно издавался на русском языке. В 1902–1903 12-томное собрание сочинений Ренана, разумеется, включавшее «Жизнь Иисуса», вышло в Киеве и стало событием киевской интеллектуальной жизни. Преподаватели Киевской академии относились к этому автору с интересом. Сочинения Эрнеста Ренана, и в первую очередь «Жизнь Иисуса», были представлены в библиотеке Киевской духовной академии многочисленными изданиями на русском, французском и немецком языках.

Ф.-В. Фаррар — писатель совершенно другого рода. Имя его забыто в России и вряд ли всплыло бы в работе современного литературоведа, если бы не эта неожиданная причастность его к замыслу Михаила Булгакова. Ренан был писатель светский. Фаррар — церковник и богослов, капеллан английской королевы Виктории. Его книга была написана через десять лет после «Жизни Иисуса» Ренана и названа так же демонстративно и полемично: «Жизнь Иисуса Христа».

Книга Фаррара была направлена против сочинений Д.-Ф. Штрауса и Э. Ренана, главным образом против Ренана, стремительно завоевывавшего огромную популярность, была ответом богословской литературы Штраусу и Ренану — попыткой спасти евангельскую легенду от весьма чувствительных ударов, наносимых религии рационалистической критикой XIX века.

Пропагандист умный и целеустремленный, Фаррар в этой книге прямо не полемизирует с критикой евангелий (прямо своих оппонентов он называет только в предисловии), предпочитая непосредственное, как бы независимое изложение событий, — но изложение в полном соответствии с канонами евангелий, чрезвычайно подробное, оснащенное привлечением обширнейших источников, не меньшим, чем у Ренана, знанием древних текстов, археологии, географии и этнографии. Палестину — через десять лет после Ренана — Фаррар посетил, и это тоже обогатило его повествование.

Надо иметь в виду, что за всей этой кажущейся объективностью повествования Фаррара, за спокойным, даже доброжелательным тоном опытного проповедника просвечивала тщательно скрываемая яростная тенденциозность, наступательная религиозная нетерпимость. Но информация в книге была обширной. В ней фактически сведено все, что церковь разрешала привлечь к биографии Иисуса Христа, все, что

не противоречило бы освященному церковью, официальному образу. И написана книга была живо, красочно, живописно.

Аналогичного сочинения православная церковь не имела, англиканство близко к православию, и книга Фаррара стала в России, так сказать, рекомендованным чтением. Она неоднократно переводилась и полностью, и в сокращенном варианте, выдержала множество изданий. В пору детства Булгакова была едва ли не в каждой семье (если иметь в виду те интеллигентные и полуинтеллигентные семьи, в которых детям давали христианское воспитание). Короче, это был источник простейший, еще более доступный, чем Ренан.

Фаррар написал свою книгу после Ренана, но Булгаков, вероятно, прочел сначала Фаррара (в детстве), а Ренана потом (в юности). Эти две столь противоположно разные и тем не менее прочно связанные между собою книги были, как свидетельствуют рукописи Булгакова, под рукой у писателя все двенадцать лет его работы над «древними» главами романа «Мастер и Маргарита». Он открывал для себя все новые источники, но к этим возвращался неизменно.

Фаррар, по-видимому, привлекал Булгакова конкретностью описаний, «красочностью» зрения (Ренан при всех достоинствах его литературного стиля равнодушен к цвету, почти бескрасочен).

У Фаррара Булгаков нашел «полосатую» ткань, которой крыли свои шатры богомольцы. Описание Гефсимании в лунную ночь — с густыми тенями вековых маслин и трепетом лунного света на траве полян. (Пасхальная ночь — лунная; Иешуа казнен в канун пасхи, а пасха приурочивается к весеннему полнолуннию.) Фаррар уверял, что посетил «эту местность» «в это именно время и в тот самый час ночи».

И рассказ о дороге на Гефсиманию — дороге, которую у Фаррара проходит Иисус со своими учениками, а у Булгакова — спешащий на любовное свидание Иуда из Кириафа. Через городские ворота (Булгаков назвал их Гефсиманскими), через «кедронский поток» и затем вверх (Фаррар: «и затем вверх, на зеленую, тихую отлогость за ним»; Булгаков: «Дорога вела в гору, Иуда подымался, тяжело дыша...») — в масличное имение.

«Самое название Гефсимания, — поясняет Фаррар, — означает жом масличный, и она названа была так, несомненно, от жома для выжимания маслин, собираемых с многочисленных дерев...» В романе «Мастер и Маргарита»: «Через некоторое время мелькнул на левой руке у Иуды, на поляне, масличный жом с тяжелым каменным колесом и груда каких-то бочек. В саду никого не было. Работы закончились на закате»...

У Фаррара эта лунная ночь — пугающая, вызывающая «невольный страх» — нема. В ней царит «торжественная тишина безмолвия». У Булгакова — влекущая влюбленного Иуду — она прекрасна, полна густых ароматов и озвучена гремящими хорами соловьев...

В книге Фаррара Булгакова заинтересовало описание дворца Ирода Великого, особенно той площадки (у Фаррара: «между двумя колоссальными флигелями из белого мрамора»; у Булгакова: «между двумя крыльями дворца Ирода Великого»), где Понтий Пилат вершил свой суд. В описании Фаррара это «открытое пространство», которое «было вымощено мозаикой и снабжено фонтанами», украшено «скульптурными портиками и разноцветного мрамора колоннами», и были здесь «зеленые аллеи, в которых находили для себя приятное убежище целые стаи голубей».

Вот отсюда вошли в роман «мозаичные полы» и «фонтаны» («На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону»). И «голуби у Пилата» отсюда. Голуби понадобились Булгакову дважды, оба раза — чтобы создать ощущение наступившей тишины. «...Полное молчание настало в колоннаде, и слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона...» И после грозы: «Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь, голуби выбрались на песок, гулькали, перепрыгивали через сломанные сучья, клевали что-то в мокром песке».

По выражению Фаррара, с этой площадки «открывался великолепный вид на Иерусалим». И самое расположение этой высоко вознесенной над городом площадки Булгаков также использовал — чтобы с края балкона, с верхней террасы сада развернуть странную, обольстительную и тревожную панораму ненавидимого прокуратором города.

Но «открытое пространство» превратил в «крытую колоннаду», или «балкон» (сделал выписки из ряда источников о другом архитектурном сооружении древнего Иерусалима — храме — и все упоминания «колоннад» и «крытых колоннад» отметил). А «скульптурные портики» Фаррара обернулись так привлекавшей Булгакова скульптурой, характерной для римлянина Пилата, но древней иудейской столице, кажется, не присущей.

В книге Фаррара Булгаков нашел и описание одежды в древней Иудее.

Белый «кефи» (платок, какой и теперь носят арабы) на голове; голубой «таллиф», или плащ; под ним длинная рубаха; сандалии. Так у Фаррара одет Иисус — чисто, красиво, благостно. Волосы «ниспадают на плечи». «Лицо его светится свежестью и прелестью юности».

В таком роде у Булгакова одеты Иешуа, Левий Матвей, Иуда из Кириафа...

Впрочем, строго говоря, у самостоятельно строящего свои образы Булгакова так одет — чисто и празднично — только один персонаж — Иуда из Кириафа: «в белом чистом кефи, ниспадавшем на плечи, в новом праздничном голубом таллифе с кисточками внизу и в новеньких скрипящих сандалиях». Ибо у Булгакова красив Иуда: «молодой красавец», «горбоносый красавец»... А Иешуа мы видим таким: «...и поставили перед прокуратором человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной». У него «обезображенное побоями лицо». Сандалии его «стоптаны». Таллифа на нем нет, только рубаха — «хитон».

Хитон упоминается в одном из евангелий — евангелии от Иоанна: стражники, бросая жребий, делят последнюю одежду распятого, в том числе хитон. У Фаррара эта дележка одежды казнимого описана подробно. У Булгакова одежду не делят совсем: у булгаковского Иешуа нечего делить. «Крысобою, брезгливо покосившись на грязные тряпки, лежащие на земле у столбов, тряпки, бывшие недавно одеждой преступников, от которой отказались палачи...»

В «кефи» и «таллиф» одет и Левий Матвей. Но кефи его лишен даже эпитета «белый». Его таллиф — «истасканный в скитаниях», «из голубого превратившийся в грязно-серый». Понтий Пилат у Булгакова видит Левия таким: «Пришедший человек, лет под сорок, был черен, оборван, покрыт засохшей грязью, смотрел по-волчьи, исподлобья. Словом, он был очень непригляден и скорее всего походил на городского нищего, каких много толчется на террасах храма или на базарах шумного и грязного Нижнего Города».

Нечего и говорить, что на изображенных Фарраром апостолов «с честными и открытыми лицами» он нимало не похож. Разве что на «Иуду из Кариота», единственного, кому в окружающей Иисуса толпе Фаррар решительно отказал в привлекательной внешности.

* * *

Но что же такое «Акельдама» и зачем Булгаков так тщательно выписывает это загадочное слово и из Фаррара, и из Ренана? В Новом завете «Акельдама» упоминается лишь однажды, но с тем же туманным пояснением: «поле крови»...

В романе «Мастер и Маргарита» у ног Пилата лужа пролитого вина. Густого красного вина, так похожего на кровь. «У ног прокуратора простиралась неубранная красная, как бы кровавая, лужа и валялись осколки разбитого кувшина. Слуга, перед грозой накрывавший для прокуратора стол, почему-то растерялся под его взглядом,

взволновался от того, что чем-то не угодил, и прокуратор, рассердившись на него, разбил кувшин о мозаичный пол...»

Этот образ возникает уже в самой первой редакции «евангелия от Булгакова» — в черновой тетради 1928 или 1929, на разорванных страницах которой можно прочесть: «...я видел, как надменный Пилат не сумел сдержать себя. (Он?) резко двинул рукой, опрокинул чашу с орди(нарным вином?), при этом расхлопал (чашу? кувшин?) вдребезги и руки...» ...обагрил? забрызгал? Что-то произошло с руками Пилата, когда он опрокинул чашу с этим красным, как кровь, вином...

Перед ужином Пилата с Афранием лужа затерта. «Красная лужа была затерта, убраны черепки...» Но Пилат ее видит по-прежнему. В час сумерек, когда «тени играют свою игру», он останавливается и начинает «бессмысленно глядеть в мозаику пола, как будто пытаюсь прочесть в ней какие-то письма».

Эта лужа останется с ним навсегда в его фантастическом двухтысячелетнем сне среди скал: «У ног сидящего валяются черепки разбитого кувшина и простирается невысыхающая черная-красная лужа».

Образ-символ, подобно Саардамскому Плотнику в «Белой гвардии» или елке в «Днях Турбиных». Образ, для которого Булгаков так настойчиво подбирал название «густого красного вина». И аналогии в христианских преданиях искал для него же. Не нашел. У Фаррара, как и у Ренана, «поле крови» связано с именем Иуды, с судьбой Иуды: так называли некий участок земли, поле, будто бы купленное за кровавые серебрики Иуды.

Но для созданного Булгаковым Иуды эта подробность была не нужна. Над Иудой в романе Булгакова — над не ведающим, что содеял, молодым красавцем из города Кириафа, одержимым страстью к деньгам, — возмездие совершается и заканчивается в тот самый момент, когда его поражает нож... Может быть, поэтому его лицо через мгновение после смерти представляется смотрящему на него «белым, как мел, и каким-то одухотворенно красивым». «Бездыханное тело лежало с раскинутыми руками. Левая ступня попала в лунное пятно, так что отчетливо был виден каждый ремешок сандалии». И гремевший соловьями, лунный Гефсиманский сад простирается над ним... С Иудой — всё. Его не будет даже на великом балу у Сатаны.

А кровавая лужа останется у ног Пилата, хотя подтверждения для нее ни у Фаррара, ни у Ренана Булгаков не найдет. Ненавистное бессмертие, совесть, отягченную сознанием непоправимо содеянного, суд и возмездие в самом себе у Булгакова несет Пилат.

В обширных фондах евангелистики Булгаков искал то, что нужно было ему, и брал то, что нужно было ему. Он работал над источниками не как исследователь, а как художник — ища истину образа, а не истину событий... Впрочем, о какой истине событий может идти речь в полной противоречий и неувязок, тысячу раз недостоверной евангельской легенде?